

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050138

Идейный субстрат «Слова о полку Игореве» в интерпретациях китайских русистов

© 2024 г. Ли Цзивэй

Аспирант кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
zwli1563107653@outlook.com

Резюме. История рецепции «Слова о полку Игореве» в Китае насчитывает сто лет. Самой значимой проблемой в этом процессе стало обсуждение китайскими русистами идейного субстрата произведения. В данной статье основное внимание уделено возникшей в Китае в 1980-х годах полемике о ведущей теме поэмы. Обозначаются основные взгляды участников дискуссии, в том числе инициатора полемики Лю Вэньсяо, который отрицал наличие патриотической идеи в «Слове», и его оппонентов Вэй Хуанну, Бао Лянцзюнь и Лу Цзяюя, уверенно поддерживавших мнение о патриотическом характере древнерусского шедевра. В качестве сопоставительного материала также рассматриваются размышления китайских исследователей о теме «Слова» и самих дебатах в XXI веке. Прослеживаются исторические условия, повлиявшие на специфику интереса китайских читателей к «Слову», анализируется личный опыт, способствовавший формированию взглядов Лю Вэньсяо.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», патриотическая идея, китайская русистика, рецептивная теория, Вэй Хуанну, Лю Вэньсяо, Бао Лянцзюнь.

Для цитирования: Ли Цзивэй. Идейный субстрат «Слова о полку Игореве» в интерпретациях китайских русистов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 150–156. DOI: 10.31857/S1605788024050138

How Did the Chinese Russianists Interpretate the Leading Theme in “The Tale of Igor’s Campaign”

© 2024 Li Ziwei

Postgraduate student of the Department of the History of Russian Literature,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
zwli1563107653@outlook.com

Abstract. The reception of “The Tale of Igor’s Campaign” in China can be traced back to a hundred years ago. The most significant issue in this process was the discussion about the leading theme in this epic, initiated by the Chinese Russianists. This article mainly focuses on an important controversy about the patriotic idea in the “The Tale of Igor’s Campaign” that arose in China in the 1980s. Firstly, the author overviews the main works and their basic views in this discussion, including the “initiator” of this debate, Liu Wenxiao, who denied the presence of patriotic ideas in this epic, and his opponents Wei Huangnu, Bao Liangjun and Lu Jiayu, who firmly support the patriotic character of it. In addition, the Chinese researchers’ cogitation on the main idea of this epic and the debates themselves in the 21st century are also presented as comparative material. Subsequently, this article attempts to examine the aesthetic subjectivity reflected in this process from the perspective of receptive theory. The historical conditions that influenced the specific interest of Chinese readers in the “The Tale of Igor’s Campaign” are considered, and thus the personal experience that contributed to the formation of Liu Wenxiao’s views is recognized.

Key words: “The Tale of Igor’s Campaign”, patriotism, Chinese Russian studies, receptive theory, Wei Huangnu, Liu Wenxiao, Bao Liangjun.

For citation: Li, Ziwei. *Idejnyj substrat “Slova o polku Igoreve” v interpretatsiakh kitaiskikh rusistov* [How Did the Chinese Russianists Interpretate the Leading Theme in “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 150–156. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050138

Интерпретация идейного содержания «Слова о полку Игореве» занимает особое место в китайских исследованиях по древнерусской литературе. В частности, полемика об оценке авторской идеи «Слова», возникшая в первой половине 1980-х годов, является единственной в Китае опубликованной дискуссией по проблематике изучения древнерусского памятника. В ней участвовали исследователи, стоящие на совершенно противоположных позициях, и их полемика дает интересный материал для раскрытия специфики восприятия «Слова» в Китае.

* * *

Доминирующее в китайской науке мнение по поводу идейного содержания древнерусского памятника было впервые предложено в 1955 г. при переводе на китайский язык русскоязычного учебника «История русской литературы» под редакцией Н.Л. Бродского¹. В переводе четко передается характерное для оригинала представление о том, что «Слово» «пронизано патриотизмом»².

Затем в 1957 г. в послесловии к первому полному переводу «Слова» на китайский язык переводчик — преподаватель Пекинского университета Вэй Хуанну — более подробно и обосновано раскрыл патриотическую тему произведения [1, с. 52–66]. Суждение китайского литературоведа основывалось на ряде русскоязычных материалов по «Слову», в первую очередь — на трактовке «Слова» в учебном пособии «Литература» под редакцией Л.И. Тимофеева³ с учетом зна-

менитого «Золотого слова русской литературы» Д.С. Лихачева⁴.

Во всех исходных источниках отмечается патриотический характер памятника. Советские авторы считают, что художественные образы и поэтическое повествование в «Слове» служат выражению патриотической идеи произведения. Китайский литературовед-переводчик, следуя за их мыслью, также характеризует автора «Слова» как патриота и объясняет причину популярности древнерусской поэмы во всем мире его патриотической темой: «Горячее чувство любви к земле Русской, одухотворяющее каждое слово поэмы неизвестного нам поэта-патриота XII века, делает “Слово о полку Игореве” близким и дорогим не только народам СССР, но и всем людям, любящим родину и мирное сосуществование» [1, с. 66]⁵. Переводчик отмечает, что в художественных образах, особенно в образе Русской земли, «наиболее ярко выражена автором мысль о необходимости объединения родной земли, об устранении политической разобщенности ее земель» [1, с. 55]⁶.

Главные положения, отраженные в послесловии к китайскому переводу «Слова», в основном соответствуют господствующим взглядам в русской науке. Они довольно сильно повлияли на интерпретацию древнерусского текста в более поздних учебниках по истории зарубежной литературы, написанных на китайском языке. Так, в учебном пособии «История европейской литературы» (1964) читаем: «Патриотизм, отраженный в “Слове”, имел актуальное значение для той эпохи»⁷; в «Хрестоматии зарубежной литературы» (1979): «Эпопея

¹ См.: История русской литературы / Перев. Цян Лу, Сунь Вэя. Пекин, 1954. Часть I. С. 1216. (俄国文学史 / 蒋璐, 孙玮译. 北京, 1954. 上卷. 1216页.); ср.: Русская литература: учебник для VIII класса сред. школы / Н.И. Поспелов, П.В. Шаблюковский, А.А. Зерчанинов; под. общ. ред. Н.Л. Бродского. 10-е изд. М., 1950. С. 343.

² История русской литературы. 1954. С. 44; Русская литература. 1950. С. 31. В тех случаях, где цитаты идут на китайском и русском языках параллельно, мы выделяем их курсивом и приводим сначала китайские источники в качестве оригиналов цитат, а потом русские — для сопоставления.

³ См.: Литература: учеб. пособие для сред. спец. учеб. заведений / М.А. Беляев, К.Я. Гарницкая, Е.В. Квятковский, Н.В. Колокольцев; под ред. Л.И. Тимофеева. М., 1954. С. 10–20.

⁴ Работа Д.С. Лихачева «Золотое слово русской литературы» публиковалась много раз. Скорее всего, Вэй Хуанну опирался на издание «Слова» 1954 года (см.: Слово о полку Игореве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954 (обл. 1955). С. 5–42.), так как сам перевод был осуществлен на основании текста на современном русском языке именно из этого издания.

⁵ См. также: Литература: учеб. пособие для сред. спец. учеб. заведений. 1954. С. 19–20.

⁶ См.: Там же. С. 14.

⁷ История европейской литературы / Под ред. Ян Чжоуханя, У Да, Чжао Ложуй. Пекин, 1964. Часть I. С. 96. (欧洲文学史 / 杨周翰, 吴达, 赵萝蕤著. 北京, 1964. 上卷. 96页.)

полна патриотизма»⁸; в «Пятидесяти пяти лекциях по зарубежной литературе» под редакцией специалистов из 19 китайских вузов (1980): «Данное произведение... прославляет патриотизм»⁹.

Следует обратить внимание на то, что слова К. Маркса («Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»¹⁰) цитируются в качестве аргумента как в русскоязычных источниках, так и в работах китайских исследователей.

Первая попытка оспорить мнение о патриотическом характере древнерусского шедевра относится к 1982 г., когда молодой преподаватель Юньнаньского педагогического университета Лю Вэньсяо опубликовал свою статью «К определению “патриотизма” в “Слове о полку Игореве”» [2]. По его мнению, призыв к объединению родной земли не всегда означает патриотизм, иногда он может служить предпосылкой для начала агрессии против других народов [2, с. 55–56]. Из истории событий, описанных в «Слове», известно, что Игорь и его войска вторглись в Половецкую степь после того, как пленный половецкий хан Кобяк был убит в Киеве на Святославовом дворе, что, по мысли исследователя, указывает на несправедливость описываемого «агрессивного» похода [2, с. 54]. Более того, после победы они занимались насилием и грабежом («Съ зарания въ пятькъ ... помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты»), что также якобы подтверждает агрессивный характер похода [2, с. 55].

Обращая особое внимание на приведенную выше цитату Маркса, Лю Вэньсяо предполагает, что в ней лишь отмечается историческое совпадение: половцы, которых атаковало войско Игоря, как раз были одной из ветвей монголов, впоследствии вторгшихся на Русскую землю [2, с. 56–57]. Поэтому, как утверждает исследователь, заключение о присутствии в ней «антиагрессивной патриотической мысли» оказывается необоснованным. По его мнению, Маркс и Энгельс заинтересовались «Словом» как раз потому, что «в тот же период панслависты в качестве свидетельств начали собирать и изучать материалы на славянских языках в разных областях, особенно в сфере

языкознания и художественной литературы». Из этого следует, что они изучали «Слово» «из необходимости критиковать русскую царскую диктатуру и панславизм, а не для того, чтобы найти и утвердить в нем русский патриотизм», и говорили именно об «экспансионизме» и «непатриотическом характере» «Слова» [2, с. 57, 58–59].

Такая точка зрения, резко отличающаяся от общепринятых взглядов на древнерусский памятник, сразу же встретила жесткое сопротивление. Значительной фигурой в этом споре был Вэй Хуанну. Он не только еще более четко подчеркнул патриотическую тему произведения в первом же абзаце предисловия к второму изданию (1983) своего перевода «Слова»¹¹, но и призвал своих коллег совместно отстаивать позицию о патриотическом характере древнерусского шедевра.

В 1984 г. в ответ на статью Лю Вэньсяо преподаватель исторического факультета Пекинского университета Бао Лянцзюнь опубликовал работу «“Слово о полку Игореве” — патриотическое произведение» [3]. В заголовке уже была заявлена позиция автора. Отталкиваясь от общественно-исторических предпосылок конфликтов и войн между русскими и половцами, китайский историк указывает на то, что на протяжении двух столетий они не переставали нападать друг на друга, что доказывает двустороннюю ответственность в долговременных конфликтах. Он пишет: «...термин патриотизм имеет разные коннотации в разные эпохи. Мы не можем мерить древних по сегодняшним стандартам. В силу исторических условий неудивительно, что патриотизм в “Слове” является исторически ограниченным» [3, с. 36].

В 1985 г. русист из Пекинского университета Лу Цяюй перевел «Золотое слово русской литературы» Д.С. Лихачева на китайский язык¹². В переводе, как и в оригинале, многократно повторяются такие выражения, как «любовь к родине» и «патриотическая идея» произведения. По воспоминаниям Вэй Хуанну, перевод также был создан в целях опровержения тезисов Лю Вэньсяо, так как Лу Цяюй «осознал, что некоторые читатели в нашей стране <в Китае — Ц.Л.> все еще недостаточно глубоко уловили смысл «Слова»» [4, с. 19]. Переводчик стремился познакомить китайских читателей с «изложенными в статье <Д.С. Лихачева> передовыми идеями и мнениями», которые «отражают основные тенденции, принятые в слововедении советского периода» [Там же].

⁸ Хрестоматия по зарубежной литературе / Под ред. Чжоу Сюйляна и др. Шанхай, 1979. Т. I. Древняя литература. 316 с. (外国文学作品选 / 周煦良等著. 上海, 1979. 第一卷 古代文学部分. 316页.)

⁹ Пятьдесят пять лекций по зарубежной литературе. 贵州, 1980. Часть I. 130页. (外国文学五十五讲. 贵州, 1980. 上. 130页.)

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. Переписка 1954–1860. М.; Л., 1929. С. 122.

¹¹ Вэй Хуанну. Предисловие // Слово о полку Игореве. Пекин, 1983. С. 1. (魏荒弩. 前言 // 伊戈尔远征记. 北京, 1983. 1页.)

¹² Лихачев Д.С. Золотое слово русской литературы / Перев. Лу Цяюй // Зарубежная литература. 1984. № 2. С. 63–98. (利哈乔夫. 俄罗斯文学的金言 / 陆嘉玉译 // 外国文学. 1984. № 2. 63–98页.)

Статья «Слово о полку Игореве» в Китае», написанная Вэй Хуанну позже в этом же году [4], считается подведением итогов полемики. В статье он обобщил все затронутые китайскими исследователями проблемы. В отдельном разделе статьи автор подробно представлял аргументы Лю Вэньсяо и Бао Лянцзюня, упоминая перевод Лу Цяюя [4, с. 17–19]. Вэй Хуанну в конце раздела утверждал: «Следует признать, что работа товарища Бао Лянцзюня, оспаривающая мнение Лю Вэньсяо, выполненная с учетом неопровержимых исторических фактов и стремлением к поиску истины, убедительна» [4, с. 19]. В этом пассаже еще раз отражается его твердая позиция относительно патриотического характера «Слова».

Обращения к этой теме в новом столетии дают любопытный сопоставительный материал для интерпретации этих дебатов. К проблеме темы «Слова» в 1999 г. еще раз обратился преподаватель-русист Ван Жэньфа, откликнувшийся на гипотезу А.Л. Никитина¹³. Китайский русист предполагает, что квалификация А.Л. Никитиным Игорева похода как свадебного предприятия является «наиболее блестящим выходом»¹⁴. Она хорошо объясняет ряд темных мест, связанных с мотивировкой похода Игоря [5, с. 24–25]¹⁵. Ван Жэньфа считает, что предположение Никитина «открывает перед нами новые возможности для изучения “Слова”» [5, с. 25], так как оно не только доказывает ложность суждений обеих рассмотренных выше сторон, но даже лишает смысла само обсуждение, возникающее при патриотическо-героической трактовке «полка Игорева» [5, с. 26].

Работа Ван Жэньфа не отличается логической строгостью, так как она опирается лишь на одну научно-популярную статью и не учитывает точки зрения других исследователей¹⁶. Однако эти

недостатки не лишают значения его трактовку полемики о патриотической теме «Слова» в Китае. По его наблюдениям, то, какую идейную суть «Слова» видит конкретный исследователь, обуславливается точкой зрения, с которой он рассматривает проблему: некоторые истолковывают намерения, симпатии и антипатии автора произведения, другие рассматривают идеи, вытекающие из его содержания, а третьи изучают исторические события, описываемые в нем [Там же]. Именно поэтому Ван Жэньфа считает, что исследователь должен скептически рассматривать все мнения об идейном субстрате «Слова» [5, с. 22].

В 2002 г. молодой исследователь Чжу Хунвэнь в своей работе отметил, что ни патриотизм, ни агрессия не охватывают идеологического содержания «Слова» полностью, по сути, поэма содержит смесь патриотической и агрессивной идей¹⁷. Как и Ван Жэньфа, Чжу Хунвэнь также отталкивается от отрицания изначальных односторонних определений идеологической трактовки похода, описываемого в древнерусском памятнике.

* * *

В обсуждении китайской аудиторией патриотической темы древнерусского эпоса заметны некоторые общие черты, характерные для рецепции «Слова» в Китае. Их можно проанализировать в деталях с точки зрения рецептивной теории.

Основные тезисы рецептивной эстетики заключаются в том, что литературное произведение не существует отдельно от его читателя, а чтение представляет собой диалог или встречу читателя и литературного произведения. Несмотря на то, что данная теоретическая система «еще далека от завершения»¹⁸, она дает нам возможность разработать проблему восприятия «Слова» китайскими реципиентами в рамках процесса художественной коммуникации, концентрируя внимание не на литературном шедевре как таковом, а на «эстетической дистанции» не столько между автором произведения и читателями, сколько между разными категориями читателей.

в изучении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве»: сборник. Л.: Наука, 1986. С. 184–189.)

¹⁷ Чжу Хунвэнь. Дуэт патриотизма и экспансионизма – по поводу темы «Слова о полку Игореве» // Русская литература и искусство. 2002. № 5. С. 3–7. (朱洪文. 爱国主义与扩张主义的二重奏——关于《伊戈尔远征记》的主题 // 俄罗斯文艺. 2002. № 5. 3-7页.)

¹⁸ Дранов А.В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. М., 1999. С. 127.

¹³ Гипотеза была впервые предложена статье: Никитин А.Л. Поход Игоря: Поэзия и реальность // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 123–134. Но Ван Жэньфа узнал о ней из статьи И.Н. Данилевского в научно-популярном журнале «Знание – сила» (см.: Данилевский И.Н. В поисках «Слова» // Знание – сила. 1997. № 4. С. 76–83.).

¹⁴ Прилагательное «блестящий» употребляется И.Н. Данилевским, описывающим гипотезу А.Л. Никитина (Данилевский И.Н. В поисках «Слова». С. 80). Эпитет был процитирован и переведен в статье Ван Жэньфа как «令人瞩目的» [5, с. 24].

¹⁵ См. также: Данилевский И.Н. В поисках «Слова». С. 79–82.

¹⁶ Так, как признает И.Н. Данилевский, «идея Никитина дает явные сбои в попытке распространить ее на описание в “Слове” первой стычки с половцами» (Данилевский И.Н. В поисках «Слова». С. 81.). Более того, трактовка Никитиным «Слова» в целом вызвала немало сомнений. Например, Д.С. Лихачев довольно жестко критикует концепцию Никитина не только за «многословность» и «непроясненность», но также за его ложное представление о древнерусской литературе в целом («отрицание вообще древней литературы домонгольского периода»). Подробнее см.: Лихачев Д.С. Против дилетантизма

По словам В.Е. Хализева, эстетические эмоции неизменно включаются во «внеположные им сферы» и «соединяются с человеческим опытом совсем иного рода», в том числе, «физиологическими ощущениями», «самоутверждением человека в обществе», «межличностным общением» [6, с. 29]. Х.Л. Борхес писал, что «одна и та же книга меняется уже потому, что меняемся мы...»¹⁹. Эстетическое — понятие субъективной природы. Его субъективность определяется и обстановкой жизни индивида, и общими социально-историческими условиями. В исследуемом нами процессе она отражается как в макроскопическом (коллективном) плане, так и в микроскопическом (индивидуальном).

Выбор аспектов восприятия древнерусского памятника объединяет всех китайских интерпретаторов. Китайских читателей в первую очередь волнуют культурно-литературные и историко-литературные аспекты восприятия «Слова». Так, помимо патриотической темы произведения, в «Слове» их интересуют еще образы князей и женщин, языческие и христианские традиции, изображение природы и т.д. Кроме того, трактовка китайскими русистами «Слова» в значительной степени опирается в основном на советские и новейшие российские труды.

Сложно обвинять китайских читателей в неоригинальности большинства их интерпретаций. Фокус на общих, менее специфических вопросах и пассивный (а не активный) характер восприятия «Слова» связаны, прежде всего, со статусом китайцев как иностранных читателей. «Своеобразие языка, — пишет В. фон Гумбольдт, — влияет на сущность нации» [7, с. 377]. «Различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [8, с. 324]. Китайский и русский — совершенно разные языки, они «по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями» [7, с. 370]. Это объясняет, почему эстетическое как составная часть национального мышления также имеет «свою специфику в сознании людей разных <...> народов» [6, с. 32]. Своеобразие национальных картин мира создает между китайским и русским народами естественные культурные барьеры. Как отмечает В.Н. Топоров, «соотнесение-сравнение *того* и *этого*, *своего* и *чужого* составляет одну из основных и вековечных работ культуры» [9, с. 7]. Восприятие «Слова» в Китае довольно часто и вполне логично облегчается интерпретациями русских ученых и акцентом на более общих проблемах. В нем раскрывается понимание

сравнения в более широком плане: в него включаются переводы «с языка на язык», «с пространства на пространство», «с времени на время», и в конце концов, «с культуры на культуру» [Там же].

Комплементарный отклик китайской аудитории на «Слово» обусловлен не только высокой оценкой этого памятника русскими исследователями. Симпатии к русской литературе как таковой в значительной степени определяются историческими условиями. Любой художественный процесс, в том числе и литературный, и литературоведческий, представляет собой развивающуюся систему. Ее внешняя движущая сила — историческая действительность. Начиная с движения 4 мая, в Китае развернулись энергичные социальные реформы. Русская культура входила в кругозор китайской элиты вместе с марксизмом. Переводы русской и советской литературы стали модными и популярными, так как «красная революция русских большевиков <...> оказывала влияние на воззрения всего мира <...>; китайцы, которые давно желали открыть новый путь в жизни, тоже не могут не испытывать интереса к ним. Поэтому все рассуждают о России, <...> хотят проследить исторические причины событий, рассмотреть культуру страны»²⁰. Пристрастие к российской и советской литературе присуще китайским интеллектуалам даже в 1970–1980-е годы, когда отношения между Китаем и СССР ухудшились. Об этом свидетельствуют описания древнерусского эпоса в ряде китайских учебных пособий, появившихся в этот период.

Субъективность эстетических ценностей обусловлена тем, что разные китайские читатели понимают «Слово» совершенно по-разному. В их интерпретациях несложно заметить некоторую ограниченность, в которой отражается внешняя движущая сила, влияющая на восприятие «Слова» отдельными китайскими русистами.

Так, критика Лю Вэньсяо не совсем объективна и даже искажает некоторые факты. Маркс и Энгельс действительно обращали внимание на «Слово» из интереса к русской царской диктатуре и панславизму. Но контекст оригинального письма Маркса показывает, что он критикует панславистскую идею, которой пронизаны многие произведения, противопоставляя русский эпос чешскому. Он дал «Слову» поистине комплиментарную оценку²¹. Вывод,

²⁰ Цюй Цювай. Собрание сочинений Цюй Цювая. Т. 2. Пекин, 1953. С. 543–544. (瞿秋白. 瞿秋白文集. 第二卷. 北京, 1953. 543-544页.)

²¹ Стоит отметить, что советские ученые тоже достаточно подробно анализировали слова Маркса, см.: Изучение «Слова» в 50–60-е годы XIX в. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 82. Вып. 6. М., 1955. С. 129–130.

¹⁹ Борхес Х.Л. Поэзия // Человек читающий, Homo Legens. М., 1989. С. 602.

что Маркс критикует «Слово» за его экспансивную идею, явно необоснован. Сложно игнорировать и публицистическую окраску суждений Лю Вэньсяо, когда он пишет: «В самом деле, в истории нет ни одного агрессора, большого или малого, который не осуществил бы сначала “великое дело” внутреннего “единства” и “объединения”. Александр Македонский в Древней Греции, правитель Восточно-Римской империи Юстиниан, Петр Великий в новой России, Вильгельм II, развязавший Первую мировую войну, а также хулиганская группа Ле Зуан на Востоке, разве не все они сначала работали над внутренним “единством” и объединением страны перед тем, как начали агрессию? Разве “объединение”, за которое ратует автор “Слова”, не было заявлено в целях покорения чужих народов? Что это за патриотизм?» [2, с. 56] (курсив мой – Ц.Л.)

Встает вопрос, по какой причине у Лю Вэньсяо сложилось такое ярко враждебное произведению мнение в отличие от общей дружественной атмосферы?

Очевидную логическую ошибку, скорее всего, невозможно объяснить без представления текста как «продукта исторической ситуации, зависящей от позиции интерпретирующего читателя»²². Напомним, что в 1979 г. грянула Китайско-вьетнамская война. Провинция Юньнань, где Лю Вэньсяо начал работать преподавателем с 1960-х годов²³, как раз находилась на переднем крае во время войны. Война разразилась на фоне того, что вьетнамская армия начала полномасштабную интервенцию в Камбоджу в 1978 г. после воссоединения двух частей Вьетнама в 1975 г. Стремление Вьетнама к созданию нового индокитайского союза сильно обеспокоило китайское руководство. Интенсификация советско-вьетнамского военного сотрудничества также считалась одним из толчков к войне, так как именно поддержка из СССР способствовала тому, что Вьетнам активно провел кампанию по выдавливанию этнических китайцев со своей территории, вызвав конфликты на китайско-вьетнамской границе. Вполне логично предполагать, что, увидев страдания народа своими глазами, Лю Вэньсяо выдвигает обвинение в адрес тех общественных сил, действия которых приводят к различным народным бедствиям.

То, что размышления Лю Вэньсяо, в отличие от русистов из Пекинского университета, вышли

за пределы литературоведческого анализа, обусловлено его особым жизненным опытом. Молодой ученый стоит вне позиции автора и размышляет о мотивации Игоря, упоминая «честолюбие и жадность феодальной знати» [2, с. 54], которая не только побудила Игоря покорить половцев, но и привела к «туге и тоске» в Русской земле. Работа имеет скорее социологический и философский характер. Его взгляды совпадают с мнениями как русских и советских ученых, так и китайских. В журнале «Хундоу» (1934), где был опубликован перевод отрывков ряд эпосов, в том числе и «Слова», китайские авторы замечают: «...даже на сегодняшний день мы не можем похвастаться миролюбием этих народов <...> Эти “мировые исторические эпосы” <...> полны крови, убийств и жестокости. Они не такие “нежные” или “цивилизованные”, как в наше время» [10, с. 2]. Русские историки тоже отмечают, как в период раздробленности в русских княжествах постепенно образовалась собственная знать, которая отстаивала свои права вместо того, чтобы поддерживать великого князя Киевского (см. например: [11, с. 365–378]). Научный статус работы Лю Вэньсяо оказывается спорным из-за ее публицистической окраски. Но его работа в определенной степени восполняет пробел в философских трактовках идеи об исторической ограниченности человека, заложенной в рассказе о походе Игоря, на которое советские и русские слововеды редко обращали внимание.

* * *

Г.В. Плеханов недаром заявляет, что «человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения»²⁴. Если «произведение “возникает” и “реализуется” только в процессе “встречи”, контакта литературного текста с читателем»²⁵, то катализатор встречи неизменно находится в самой жизни. Утилитарная природа литературы и литературоведения ярко отражается в восприятии патриотической темы «Слова» в Китае в XX в. Концепция, изложенная в статье Лю Вэньсяо, возникла из его собственного жизненного опыта. При всех ее крайностях и нелогичностях она стала наиболее значимой в рассматриваемой полемике в целом. Благодаря этому суждению нарушалась ситуация полного единогласия в процессе пассивного восприятия произведения. Было спровоцировано более глубокое

²² Дранов А.В. Рецептивная эстетика. С. 118.

²³ См. краткое резюме Лю Вэньсяо «История Высшей школы экономики: Расскажу Вам о своей специальности на факультете языков и литературы» (商学院故事 | 我在语言文学学院把我的专业讲给你听) (URL: <https://www.027art.com/yunnanbenke/html/8039709.html> (дата обращения: 20 июля 2022)).

²⁴ Плеханов Г.В. Письма без адреса // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С. 108.

²⁵ Дранов А.В. Рецептивная эстетика. С. 118.

осмысление тематики древнерусского шедевра китайской аудиторией. Таким образом, соприкасаюсь с китайским контекстом, текст «Слова» приобщается к диалогу, освещающему и прошлое (исторические тайны) и будущее (перспективу обмена между китайской и русской культурами).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вэй Хуанну. Послесловие // Слово о полку Игореве. Пекин, 1957. С. 52–66. (魏荒弩. 译后记 // 伊戈尔远征记. 北京, 1957. 52–66页.) (На кит. яз.)
2. Лю Вэньсяо. К определению «патриотизма» в «Слове о полку Игореве» // Вестник Куньминского педагогического колледжа. Серия философских и социальных наук. 1982. № 3. С. 54–59. (刘文孝. 《伊戈尔远征记》«爱国»辨 // 昆明师范学院学报 (哲学社会科学版). 1982. № 3. 54–59页.) (На кит. яз.)
3. Бао Лянцзюнь. «Слово о полку Игореве» – патриотическое произведение // Советская история. 1984. № 1. С. 33–37. (鲍良骏. 《伊戈尔远征记》是爱国主义的 // 苏联历史. 1984. № 1. 33–37页.) (На кит. яз.)
4. Вэй Хуанну. «Слово о полку Игореве» в Китае // 外国文学研究 Исследования иностранной литературы. 1985. № 4. С. 14–21. (魏荒弩. 《伊戈尔远征记》在中国 // 外国文学研究. 1985. № 4. 14–21页.) (На кит. яз.)
5. Ван Жэньфа. К проблеме темы «Слова о полку Игореве» // Вестник Аньканского педагогического специального курса. 1999. № 2. С. 22–26. (王人法. 关于《伊戈尔远征记》的主题问题 // 安康师专学报. 1999. № 2. 22–26页.)
6. Хализев В.Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М., 2004. 405 с.
7. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. 450 с.
8. Гумбольдт В. фон. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 324–326.
9. Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989. С. 6–17.
10. Вступительное слово // Хундоу манькань. 1934. Т. II. № 3. Специальный номер «Исторические эпосы мира». С. 2. (卷头语 // 红豆漫刊. 1934. Т. II. № 3. 世界史诗专号. 2页.) (На кит. яз.)
11. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. М., 2013. 622 с.

REFERENCES

1. Wei Huangnu. *Postscript. The Tale of Igor's Campaign*. Beijing, 1957, pp. 52–66. (In Chinese)
2. Liu Wenxiao. *On the Definition of "Patriotism" in "The Tale of Igor's Campaign"*. *Bulletin of Kunming Normal College. Series of Philosophical and Social Sciences*. 1982, No. 3, pp. 54–59. (In Chinese)
3. Bao Lingjun. *"The Tale of Igor's Campaign" – a Patriotic Work*. *Soviet History*. 1984, No. 1, pp. 33–37. (In Chinese)
4. Wei Huangnu. *"The Tale of Igor's Campaign" in Chinae. Research of Foreign Literature*. 1985, No. 4, pp. 14–21. (In Chinese)
5. Wang Renfa. *On the Theme of "The Tales of Igor's Campaign"*. *Bulletin of the Ankan Normal Special Course*. 1999, No. 2, pp. 22–26. (In Chinese)
6. Khalizev, V.E. *Teoriia literatury [Theory of Literature]*. Moscow, 2004. 405 p. (In Russ.)
7. Humboldt, W. von. *Iazyk i filosofiiia kultury [Language and Culture of Philosophy]*. Moscow, 1985. 450 p. (In Russ.)
8. Humboldt, W. von. *O vliianii razlichnogo kharaktera iazykov na literaturu i dukhovnoe razvitie [On the Influence of the Different Nature of Languages on Literature and Spiritual Development]*. Humboldt W. von. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu [Selected Works on Linguistics]*. Moscow, 1984, pp. 324–326. (In Russ.)
9. Toporov, V.N. *Prostranstvo kultury i vstrechi v nem [Space of Culture and Meetings in it]*. *Vostok–Zapad. Issledovaniia. Perevody. Publikatsii [East–West. Research. Translations. Publications]*. Issue. 4. Moscow, 1989, pp. 6–17. (In Russ.)
10. *Opening words. Hongdou mankan*. 1934, Vol. 2, No. 3. *Special issue "Historical Epics of the World"*. p. 2. (In Chinese)
11. Rybakov, B.A. *Kievskaiia Rus i russkie kniazhestva XII–XIII vv. Proiskhozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti [Kievan Rus and Russian Principalities of the 12th–13th Centuries. The Origin of Rus and the Formation of its Statehood]*. Moscow, 2013. 622 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 января 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 16 мая 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.
Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on January 14, 2024
Revised on May 16, 2024
Accepted on August 15, 2024
Date of publication: October 31, 2024